

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ
SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

Исследовательская статья

УДК 316.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-2

Белова Т. П.

Религиозный фактор исторической памяти российского студенчества о Великой Отечественной войне

Ивановский государственный университет
улица Ермака, дом 39, Иваново, 153025, Россия
belovatp@ivanovo.ac.ru

Аннотация. В статье на основе обобщения концептуальных подходов и анализа результатов четвертого этапа мониторингового исследования Российского общества социологов (2020 г.) исследуется проблема исторической памяти современного студенчества о Великой отечественной войне (ВОВ). Тема исторической памяти сегодня стала предметом острых научных дискуссий, актуальным направлением внутренней и внешней политики Российской Федерации и других стран. Значимую роль в воспроизводстве в символической форме истории великих событий, в том числе войн, играет институт религии. Поэтому подход к анализу исторической памяти с позиций социологии религии представляется перспективным направлением современной науки. Он позволяет раскрыть влияние религиозного фактора на формирование, хранение, осмысление, закрепление воспоминаний о событиях отечественной и мировой истории с позиций патриотических и космополитических установок. Анализ эмпирических данных мониторинга РОС зафиксировал преобладание в студенческой среде нерелигиозной идентификации. Наиболее крупные конфессиональные группы составили православные и мусульмане. Сравнение данных по группам отношения к религии выявило более сильные показатели патриотических установок у религиозной молодежи, в том числе у православных и мусульман, и более сильные показатели космополитических установок у студентов с нерелигиозными взглядами. Память о ВОВ является объединяющим социокультурным основанием современного российского студенчества. При этом у групп с разным отношением к религии и конфессиональной идентичностью имеются некоторые различия в структуре исторической памяти, в источниках получения и закрепления знаний о ВОВ, в оценках острых политических событий, связанных с защитой и трансляцией памяти о ВОВ и попытками ее деконструкции.

Ключевые слова: историческая память; Великая Отечественная война; отношение к религии; патриотические/космополитические установки; студенты

Информация для цитирования: Белова Т. П. Религиозный фактор исторической памяти российского студенчества о Великой Отечественной войне // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 4. С. 9-21. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-2

Tatyana P. Belova

**The religious factor of the historical memory
of Russian students about the Great Patriotic War**

Ivanovo State University
bld. 39 Yermak St., Ivanovo, 153025, Russia
belovatp@ivanovo.ac.ru

Abstract. Based on a generalization of conceptual approaches and an analysis of the results of the fourth stage of the monitoring study of the Russian Society of Sociologists (2020), the article examines the problem of the historical memory of modern students about the Great Patriotic War (GPW). The topic of historical memory today has become the subject of heated scientific discussions, the current direction of the domestic and foreign policy of the Russian Federation and other countries. The institution of religion plays a significant role in the reproduction in symbolic form of the history of great events, including wars. Therefore, the approach to the analysis of historical memory from the standpoint of the sociology of religion seems to be a promising area of modern science. It allows revealing the influence of the religious factor on the formation, storage, comprehension, consolidation of memories of the events of national and world history from the standpoint of patriotic and cosmopolitan attitudes. An analysis of the empirical data of the monitoring of the RSS revealed the predominance of non-religious identification among the students. The largest confessional groups were Orthodox and Muslims. Comparison of data by groups of attitudes towards religion revealed stronger indicators of patriotic attitudes among religious youth, including Orthodox and Muslims, and stronger indicators of cosmopolitan attitudes among students with non-religious views. The memory of the Great Patriotic War is the unifying socio-cultural foundation of modern Russian students. At the same time, groups with different attitudes towards religion and confessional identity have some differences in the structure of historical memory, sources of obtaining and consolidating knowledge about the Great Patriotic War, in assessments of acute political events related to the protection and transmission of the memory of the GPW and attempts to deconstruct it.

Keywords: historical memory; Great Patriotic war; attitude towards religion; patriotic/cosmopolitan attitudes; students

Information for citation: Belova, T. P. (2022), "The religious factor of the historical memory of Russian students about the Great Patriotic War", *Research Result. Sociology and management*, 8 (4), 9-21. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-2

Введение (Introduction). В настоящее время во внешне- и внутриполитической практике и в научных дискурсах заметно актуализируется проблематика исторической памяти. Начало ее исследования было положено французским социологом М. Хальбваксом в 20-е гг. XX в. (Хальб-

вакс, 2007). В дальнейшем различные концептуальные подходы к ее изучению разработали Я. Ассман (Ассман, 2004), П. Нора (Нора, 1999), П. Х. Хаттон (Хаттон, 2004) и другие ученые. Обобщение концепций указанных авторов позволяет определить историческую память как составляющую коллективной и индивидуальной памяти, как

результат социально обусловленного символического конструирования.

В российской науке историческая память преимущественно связывается с памятью о Великой Отечественной войне (ВОВ). Определяется это тем, что практически все россияне старше 18 лет (95%) считают ее главным событием XX века (Федоров, 2020). Для значительного большинства россиян День Победы в Великой Отечественной войне – главный праздник (День Победы..., 2022), причем 55% признают его народным праздником, а 36% – государственным (К 77-й годовщине..., 2022). Признание победы в ВОВ в качестве ключевого события отечественной истории обуславливает нередкое отождествление патриотизма, патриотических установок с исторической памятью о Великой Отечественной войне (Спасибо прадеду... 2020: 34).

Сегодня историческая память о ВОВ и ее влияние на патриотические установки россиян является одним из наиболее значимых предметов исследования отечественных ученых из разных сфер социально-гуманитарного знания. В российской социологической науке наибольший вклад в ее изучение вносят специалисты в области исторической социологии и социологии войны (Малинкин, 2020: 23). Однако в силу многогранности этой темы открыто обширное исследовательское поле, представляющее интерес для различных отраслевых социологий (Жаворонков и др., 2020: 15).

М. Хальбвакс отмечал роль религии в воспроизводстве в символической форме истории великих событий, в том числе войн (Хальбвакс, 2007: 219), и тем самым открыл тематику социальных рамок памяти для социологов религии. В нашей стране такой вектор исследований только начинает развиваться.

В данной статье раскрывается один из аспектов изучения исторической памяти о ВОВ с позиций социологии религии, а именно: анализ сопряженности идентификационных процессов в сфере религиозной жизни, процессов формирования, хранения, осмысления, закрепления воспоминаний об

этом героическом и трагическом периоде отечественной и мировой истории, а также складывания и проявлений патриотических и космополитических установок молодежи. Такой подход представляется релевантным для выявления степени влияния фактора отношения к религии на историческую память.

Методология и методы (Methodology and methods). Исследования по теме исторической памяти предполагают участие в них представителей разных поколений, но наиболее важно изучать включенность в процессы воспоминаний о важнейших событиях прошлого молодежь как группу, ориентированную на будущее, и особенно студенчество как наиболее ресурсную ее часть, активно включенную в инновационные процессы. Этим обусловлен эмпирический объект исследования.

С 2005 г. Российское общество социологов (РОС) проводит мониторинг «Российское студенчество о Великой Отечественной Войне». В 2020 г. был проведен его 4-й этап, в ходе которого было опрошено 10065 студентов – граждан РФ, обучающихся в вузах Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Уфы, Самары, Казани, Волгограда, Астрахани, Екатеринбург, Челябинска, Тюмени, Сургута, Нижневартовска, Иркутска, Улан-Удэ, Якутска, Владивостока, Ставрополя, Симферополя, Керчи, Орла, Белгорода, Тулы, Ярославля, Иванова и других городов. Опрос проходил в онлайн-формате.

В анкету 2020 г. были включены вопросы по религиозной и конфессиональной самоидентификации: «Вы – человек религиозный?»; «К какому вероисповеданию Вы принадлежите?». Разумеется, эти вопросы недостаточны для всестороннего анализа отношения к религии. Социологи религии выделяют много других показателей (Кублицкая, 2022: 106-107; Лебедев, Сухоруков, 2013: 118-126), однако самоидентификация респондентов является одним из ключевых критериев религиозности (Синелина, 2001: 89). Значимость данного

показателя также определяется сложностью идентификационных процессов у молодежи, в том числе в религиозно-конфессиональной сфере, проходящих в условиях простора возможностей, отсутствовавших прежде, и неопределенности как естественного проявления жизни в современном обществе (Фукуяма, 2019: 204), переплетения сакрального и секулярного, веры и неверия, традиционных и индивидуализированных форм религиозности (Каргина, 2014: 212), становящихся частью цифровых коммуникаций.

Отечественные социологи религии еще в конце 1960-х гг. обратили внимание на то, что конфессиональная идентичность необязательно свидетельствует о религиозности респондента, а часто выражает принадлежность к этнокультурной традиции (Лопаткин, 2010: 267). При этом любая традиция включает память о прошлом, а память о прошлом, в свою очередь, является одним из важнейших аспектов идентичности (Лоуэнталь, 2004: 312). А потому методологически обоснованным представляется исследование взаимосвязи идентификационных процессов на религиозно-конфессиональном уровне с процессами формирования, воспроизводства и трансляции исторической памяти.

Историческое сознание выступает информационной основой политики формирования патриотизма (Широкалова, 2018: 165), а память о ВОВ в нашей стране – ее главный стержень. При этом в практике управленческих решений по вопросам гражданской социализации и воспитания патриотизма у молодежи необходимо вникать в процессы, влияющие на ее сознание и восприятие внутривнутриполитической и геополитической ситуации, обращать внимание на различные представления о патриотизме.

Поскольку в российском обществе патриотизм – это прежде всего традиционная ценностная установка (Халий, 2017: 69), то можно предположить, что одной из детерминант патриотических установок

выступает принадлежность к традиционным конфессиям, и соответственно, не включенность в конфессиональные традиции, нерелигиозные позиции более открыты для космополитических установок.

Обозначенные методологические положения и вытекающие из них гипотезы послужили основаниями для эмпирического изучения воздействия фактора отношения к религии на восприятие и осознание нынешними российскими студентами событий Великой Отечественной войны и их современных интерпретаций и деконструкций.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Из 10065 опрошенных российских студентов более половины (55,2%) назвали себя нерелигиозными людьми и, соответственно, 44,8% – религиозными. Доля тех, кто заявил о нерелигиозных взглядах, выше среди юношей, обучающихся на технических и естественнонаучных направлениях подготовки, в вузах Уральского, Дальневосточного и Северо-Западного Федеральных округов, среди студенческой молодежи Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Сургута, Кирова, Владивостока, Якутска и ряда других городов. Объяснение такого отношения к религии в среде российского студенчества требует глубокого анализа и не входит в задачи данной статьи.

На вопрос о конфессиональной самоидентификации не ответили 55,0% участников исследования. Это столько же, сколько назвавших себя нерелигиозными людьми, что говорит о последовательности в самоопределении нерелигиозной части респондентов. Не отнесли себя ни к какому вероисповеданию, либо назвали себя христианином (без конфессиональных различий) лишь 1,1% опрошенных, т. е. у участников опроса практически отсутствует внеконфессиональная религиозная идентичность.

Наиболее крупные группы с конфессиональной принадлежностью – православные (30,2% от всех опрошенных студентов) и мусульмане (9,8%). Все другие конфессиональные группы малочисленны: буддисты –

1,4%, язычники – 0,8%, протестанты – 0,5%, католики – 0,3%, индуисты – 0,1%, иудеи – 0,1%. Поэтому для того, чтобы выявить влияние фактора отношения к религии и конфессии на историческую память о ВОВ студентов и на их патриотические/космополитические установки, анализ проводился по четырем группам: нерелигиозные, религиозные, православные, мусульмане. Большинство студентов, принявших участие в исследовании, обучается в вузах Центрального, Приволжского и Южного Федеральных округов (прежде всего в Москве, Уфе, Нижнем Новгороде, Волгограде). Поэтому во всех выделенных группах они составляют наиболее многочисленные доли.

В анкету мониторинга РОС был включен вопрос: «Вы можете назвать себя патриотом?». Большинство респондентов во всех группах по отношению к религии ответили определенно утвердительно или скорее утвердительно (см. таблицу 1). Однако если среди нерелигиозных студентов такие ответы дали 52%, то среди религиозных – 79,1%, среди православных – 79,9%, среди мусульман – 81,1%. В то же время нерелигиозных, не относящих или скорее не относящих себя к патриотам, выявлено почти втрое больше, чем среди других групп по отношению к религии. Больше среди них и затруднившихся ответить.

Таблица 1
Самоидентификация в качестве патриота студентов с разным отношением религии, %
Table 1

Self-identification as a patriot of students with different attitudes towards religion, %

Самоидентификация в качестве патриота / Self-identification as a patriot	Отношение к религии, конфессия / Attitude to religion, confession				
	Нерелигиозные / Non-religious	Религиозные / Religious	Православные / Orthodox	Мусульмане / Muslims	Итого: / Total:
Да / Yes	10,8	24,6	24,2	27,4	16,9
Скорее да, чем нет / Rather yes than no	41,2	54,5	55,7	53,7	47,2
Скорее нет, чем да / More likely no than yes	22,8	9,8	9,5	9,3	16,9
Нет / Not	13,2	3,4	3,0	2,1	8,8
Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	12,0	7,8	7,7	7,4	10,1

Различия в позициях групп по отношению к религии выявлены и по оценкам содержательных характеристик понятия «патриот». Две трети участников опроса наиболее значимой чертой патриота считают уважение и знание истории России (67,0%). Но если среди православных такой оценки придерживается 69,5%, то среди нерелигиозных – 57,8%. Далее по степени важности студенты признали чувство ответственности за происходящее в стране (53,0%), гордость за свою страну (51,5%),

уважительное отношение к ветеранам Великой Отечественной войны, людям пожилого возраста, инвалидам (50,3%), готовность к самопожертвованию во имя интересов страны (35,1%). По всем этим характеристикам наибольшие дисперсные расхождения также отмечаются в группах нерелигиозных (самые низкие показатели) и православных (самые высокие показатели). Аналогичная тенденция прослеживается в отношении мнений о неуклонении от службы в армии (17,4% среди всех респондентов, 23,6% среди православных, 13,4%

среди нерелигиозных) и о необходимости придерживаться традиционных ценностей в повседневной жизни (соответственно: 12,6%, 16,5%, 9,5%).

Варианты «принимать участие в общественной и политической жизни страны» (31,5% от всех опрошенных), «патриотизм – устаревшее понятие в эпоху открытых границ, родина там, где тебе комфортно» (12,8% от всех опрошенных) чаще выбирали студенты с нерелигиозными взглядами. Особенно заметны различия по второму варианту (18,3% у нерелигиозных, 6,0% у религиозных, 5,0% у православных и 5,4% у мусульман). Наиболее близкие ответы отмечены в отношении варианта «честно и добросовестно трудиться» (24,0% среди всех респондентов, 22,1% среди нерелигиозных, 26,3% среди религиозных, 25,9% среди православных, 26,4% среди мусульман).

На выявление патриотических/космополитических установок также был направлен вопрос о том, где студенты планируют жить и работать после получения образования: в России или за рубежом. Менее половины опрошенных (41,7%) планирует остаться в России, из них наименьший показатель отмечен в группе нерелигиозных (32,8%), наибольший – в группе православных (55,2%). В группе религиозных не планируют уезжать из России 52,6%, в группе мусульман – 50,8%. О планах уехать за рубеж сообщили 11,5% участников исследования. Здесь наибольшая доля выявлена в группе нерелигиозных (14,8%), наименьшая – в группе православных (6,6%). Таких планов нет у 7,6% религиозных студентов и 8,1% у мусульман. Уточняющего вопроса про страны планируемого выезда в анкете не задавалось. По затруднившимся сказать о своих планах остаться в России или уехать за границу (12,9%) расхождения по группам оказались в пределах статистической погрешности. Тех, чьи планы зависят от предложений о хорошей работе (33,9% от общего числа респондентов), больше в группе нерелигиозных (38,3%).

Итак, подтвердились гипотезы о более выраженных патриотических установках у религиозной, конфессионально ориентированной молодежи и о более выраженных космополитических установках у нерелигиозной молодежи.

Память о Великой Отечественной войне стала «объединяющей и возвышающей идеей для большинства населения нашей страны» (Тощенко, 2020: 18). В отношении российского студенчества это подтвердили данные, полученные в ходе 4-го этапа мониторинга РОС. При этом выявлены различия у групп с разным отношением к религии и конфессиональной идентичностью.

Почти половина участников федерального онлайн-опроса (49,7%) считают, что подвиг, самоотверженность, любовь к Родине, проявленные советским народом в годы ВОВ, будут примером для следующих поколений. Но среди студентов с нерелигиозным самоопределением такая позиция отмечалась в 1,5 раза реже, чем среди студентов с религиозной, православной и мусульманской идентичностью (соответственно 41,2%, 60,2%, 61,3%, 63,8%). В то же время мнение о том, что память о войне стирается, ее заслоняют другие события и проблемы, нерелигиозные студенты высказывали почти в два раза чаще, чем религиозные, православные и мусульмане (31,6%, 15,8%, 15,4%, 13,3%). Вариант о том, что память о минувшей сохраняется в сознании моих сверстников, выбрали 17,1% респондентов. Расхождений по нему в группах с разным отношением к религии не выявлено. То, что героизм и самопожертвования во время ВОВ войны становятся чуждыми значительной части молодежи, признают 8,7% опрошенных студентов. Наименьшее число выбравших данный вариант отмечено среди мусульман (9,3%), наибольшее – среди нерелигиозных (6,6%).

При ответе на вопрос о согласии с мнением «Великая Отечественная война была давно, мне это не интересно» две трети всех опрошенных (67,9%) выразили несогласие с ним. Но среди религиозных,

православных и мусульман несогласных почти в 1,5 раза больше, чем среди нерелигиозных (79,8%, 82,2%, 81,2% против 58,3%).

Эти ответы коррелируют с оценками достаточности знаний о ВОВ, представлен-

ными в таблице 2. Из них следует, что нерелигиозная молодежь в меньшей степени стремится к получению новых знаний о ВОВ, в отличие от религиозной, в том числе православной и мусульманской.

Таблица 2

Оценки студентами достаточности знаний о Великой Отечественной войне в зависимости от отношения к религии, %

Table 2

Students assessments of the sufficiency of knowledge about the Great Patriotic War, depending on their attitude towards religion, %

Оценки достаточности знаний о ВОВ / Assessing the sufficiency of knowledge about the GPW	Отношение к религии, конфессия / Attitude to religion, confession				
	Нерелигиозные / Non-religious	Религиозные / Religious	Православные / Orthodox	Мусульмане / Muslims	Итого / Total
Да / Yes	23,5	21,1	21,4	19,9	22,4
Не совсем, надо бы больше / Not really, need more	35,8	52,1	52,1	53,2	43,1
Не совсем, но мне хватает / Not quite, but I have enough	32,4	19,8	19,1	20,4	26,8
Нет / Not	8,3	7,0	7,4	5,6	7,7

В качестве главных источников получения знаний о Великой Отечественной войне студенты называют учителей (76,5% от всех опрошенных) и школьные учебники (74,2%). Их значимость почти в равной мере признает, как нерелигиозная, так и религиозная молодежь. Такие источники, как советские художественные фильмы (65,8%), рассказы родных (64,8%), встречи с ветеранами (43,4%), советские документальные фильмы (43,2%), несколько реже указывали нерелигиозные респонденты (соответственно: 63,3%, 60,4%, 39,3%, 41,8%). В то же время они чаще выбирали варианты «художественная литература» (42,8% – все опрошенные, 45,6% – нерелигиозные) и «форумы в Интернете» (соответственно: 16,3% и 20,4%).

Основными собеседниками в разговорах о Великой Отечественной войне для

студентов являются старшие родственники (дедушки, бабушки, прадедушки и т. д.) (24,4%), учителя и преподаватели (23,7%), а также родители (16,7%). Однако общение в кругу семьи по этой теме важнее для религиозных студентов, особенно для мусульман. Наибольшая разница отмечается в отношении старших родственников (19,7% в группе нерелигиозных, 32,7% в группе мусульман). Студенты с нерелигиозными взглядами чаще обсуждают тему ВОВ с друзьями или вообще не обсуждают.

Практически нет семей, в которых родственники нынешних студентов не воевали. Участники исследования, независимо от мировоззренческой позиции, отмечают, что для их семей День Победы – это прежде всего день памяти о родных, прошедших войну. Поэтому семья в первую очередь формирует личную историческую память

студенчества, воспитывает гражданина, ответственного перед прошлыми поколениями и перед потомками (Положенцева, Кащенко, 2014: 44). У значительного большинства студентов воевавшие родственники уже умерли, лишь у 6,5% живы ветераны войны, у 22,2% – труженики тыла. Семейная память о ВОВ сегодня закрепляется благодаря воспоминаниям о родственниках – ее участниках (прежде всего, прадедушках нынешних студентов) и сохранению реликвий военных лет: наград, фотографий, писем военной поры. О хранении дома таких реликвий чаще других сообщала православная молодежь (57,8%), реже других – нерелигиозная молодежь (46,9%). Более заметное влияние семьи на формировании исторической памяти о ВОВ у конфессионально ориентированных студентов может определяться их включенностью в традиционные ритуалы, связывающие людей с прошлым и окружающим сообществом, а также способствующие символическому подходу к миру (Poorthuis, 2020: 4). Таким образом, фактор отношения к религии оказывает определенное воздействие на процессы сохранения и трансляции памяти о войне на уровне семьи.

Практически все студенты, не зависимо от отношения к религии, признают значительным вклад СССР в победу над фашизмом (нацизмом). Однако в оценках вклада стран-союзников в победу есть очевидные расхождения. Более высоко оценивают вклад США, Англии и Франции нерелигиозные студенты.

Схожие позиции у студентов с разными мировоззренческими позициями выявлены при оценках мнений «Освобождение Прибалтики, Восточной Европы в 1944-1945 гг. было оккупацией» и «Осквернение могил и снесение памятников советским воинам и полководцам в ряде стран – это декоммунизация (борьба с наследием СССР)». Но если в отношении первого высказывания более половины считают его спорным, а больше трети отвергают, то в отношении второго распределение между теми, кто отвергает, кто соглашается, и

теми, кто считает его спорным, но обсуждаемым, не столь заметно.

На вопрос о том, как, по их мнению, должна реагировать Россия на снос памятников советским солдатам и офицерам, почти половина респондентов (48,1%) выбрала вариант «эти страны суверенны и вольны поступать так, как считают правильным. Россия не должна вмешиваться», но нерелигиозных студентов среди сторонников такой позиции больше (52,4%). В то же время среди сторонников сокращения сотрудничества с этими странами (22,8%) студентов с нерелигиозными взглядами выявлено почти в два раза меньше (14,7%), чем среди нерелигиозных (32,8%), православных (34,5%) и мусульман (30,1%). Студенты всех изучаемых групп сошлись во мнениях в отношении того, что открытие архивов и обнаружение новых фактов заставили пересмотреть роль СССР во Второй мировой войне и послевоенное время (11,1% от всех респондентов). В группе нерелигиозных в два раза больше, чем в группах религиозных, православных и мусульман, оказалось тех, кому «все равно» (соответственно: 9,9%, 4,7%, 4,2%, 4,9%) и несколько больше тех, кто считает, что снос памятников советским воинам – это расплата за ошибки СССР в послевоенное время (6,0%, 4,7%, 4,5%, 5,0%).

Не выявлено существенных расхождений в оценках студентами с разным отношением к религии мнения о возможности оправдания помощи фашистам со стороны «Лесных братьев», «Бандеровцев» и т. п. борьбой против советского строя, сталинизма, за независимость Украины, стран Прибалтики и др. Отвергают такую возможность 38,8% участников исследования, считают мнение спорным, но обсуждаемым 45,8%, готовы согласиться 15,4%.

С учетом того, что главными источниками получения знаний о Великой Отечественной войне для нынешних студентов служат учителя и школьные учебники, можно предположить, что приведенные выше мнения детерминированы изучением

истории в школе. Однако религиозное (конфессиональное) или нерелигиозное самоопределение также влияет на оценочные суждения студенческой молодежи по вопросам современных толкований роли нашей страны в победе во Второй мировой войне и Великой Отечественной войне как ее составной части.

В ответах на вопрос о практиках празднования студентами 9 Мая студенты прежде всего отметили, что в этот праздничный день они смотрят парад на Красной площади, либо парад в своем городе (54,3%). По группам отношения к религии показатели распределились следующим образом: нерелигиозные – 49,5%, религиозные – 59,8%, православные – 60,1%, мусульмане – 61,5%. Почти каждый третий опрошенный студент участвует в акции «Бессмертный полк» (33,5%) или в других праздничных мероприятиях (31,9%). Почти

каждый четвертый студент в День Победы возлагает цветы к вечному огню, памятникам (26,2%) и поздравляет ветеранов (24,1%). Однако нерелигиозная молодежь реже принимает в участие в этих акциях, мероприятиях, но больше просто гуляет и отдыхает.

Неотъемлемой частью празднования 9 Мая является акция «Бессмертный полк» Возникшая как инициатива «снизу» она стала эффективной «изобретенной традицией», включающей «совокупность общественных практик ритуального или символического характера», определенные ценности и нормы поведения (Хобсбаум, 2000: 48), заданные празднованием Дня Победы. Несмотря на сложную внешнеполитическую обстановку акция «Бессмертный полк» расширяет свою географию, охватывает новые страны. Поэтому важно выявить мнения о ней у студенческой молодежи.

Таблица 3

Мнения студентов по поводу акции «Бессмертный полк» в зависимости от отношения к религии, %

Table 3

Students opinions about the «Immortal Regiment» campaign depending on their attitude towards religion, %

Мнения	Отношение к религии, конфессия / Attitude to religion, confession				
	Нерелигиозные / Non-religious	Религиозные / Religious	Православные / Orthodox	Мусульмане / Muslims	Итого / Total:
Это хорошая форма воспитания патриотизма / This is a good form of patriotism education	45,1	70,3	72,2	70,8	56,4
Важен личный, семейный момент в этой акции / Important personal, family moment in this action	46,6	46,1	49,1	39,4	46,4
Акция может быть расширена и включать тружеников тыла в годы ВОВ / The action can be expanded and include home front workers during the GPW	29,7	34,7	35,5	34,1	31,9

Мнения	Отношение к религии, конфессия / Attitude to religion, confession				
	Нерелигиозные / Non-religious	Религиозные / Religious	Православные / Orthodox	Мусульмане / Muslims	Итого / Total:
Настораживает, что слишком много стало официоза, обязательности / It is alarming that too much officialdom has become, obligatory	36,0	14,9	13,7	19,4	26,5
Акция должна включать и участников локальных войн, конфликтов / The action should also include participants in local wars, conflicts	13,6	12,2	12,4	11,3	13,0

Согласно данным, представленным в таблице 3, для большинства религиозных, православных и мусульман – это, прежде всего хорошая форма патриотического воспитания. Среди нерелигиозных это мнение разделяют менее половины респондентов.

Несколько меньшая значимость личностного, семейного момента в акции «Бессмертный полк», по сравнению с другими группами, выявлена среди мусульман. Это может быть связано с тем, что исламской уммой (общиной) России и стран СНГ Великая Отечественная война признается джихадом меча, а все погибшие в ней мусульмане – шахидами (мучениками за веру, попавшими в рай). Отсюда – приоритет в понимании ВОВ у мусульман смещается с личных, семейных смыслов в сторону социально-религиозных.

Более трети нерелигиозных респондентов выразили обеспокоенность тем, что в акции «Бессмертный полк» стало больше официоза и обязательности. В других группах этот показатель заметно ниже: среди мусульман такой позиции придерживается каждый пятый респондент, в группах религиозных и православных – каждый седьмой. Полученные данные говорят о том, что студенческая молодежь (особенно ее нерелигиозная часть) весьма чувствительна к формализации традиции «Бессмертного полка». Раскрытие механизмов влияния

фактора отношения к религии на оценки этой акции и в целом на историческую память студенчества о ВОВ требует дальнейших научных осмыслений и обсуждений.

Заключение (Conclusions). Подводя итоги, важно отметить, что современное российское студенчество проявляет значительный интерес к истории Великой Отечественной войны, считает победу в ней ключевым историческим событием. Мониторинговое исследование РОС показало, что на понимание студентами необходимости сохранения и трансляции будущим поколениям памяти о войне, о подвиге советского народа заметное влияние оказывает фактор их отношения к религии. По многим вопросам, касающимся структуры исторической памяти о ВОВ, источников ее формирования, оценок военных событий и их современных толкований и искажений, позиции религиозной и нерелигиозной молодежи расходятся. Также выявлены более высокие показатели патриотических установок у тех, кто имеет религиозное (конфессиональное) самоопределение, а более высокие показатели космополитической ориентации у студентов с нерелигиозной идентичностью.

Семья является основным институтом сохранения исторической памяти о военных годах. Память о ВОВ благодаря беседам с родными, хранению в семье реликвий

военной поры (наград, фотографий, писем участников войны) становится частью личной, семейной исторической памяти. Однако влияние семьи в данном аспекте заметно сильнее у конфессионально ориентированной молодежи.

Отношение к современным интерпретациям и фальсификациям роли России во Второй мировой войне и в послевоенный период во многом закладывается в средней школе на уроках истории. В контексте современной геополитической ситуации этот момент требует пристального внимания. Результаты мониторинга РОС обнаружили явную тенденцию: религиозные студенты в оценках этой роли в большей степени придерживаются патриотической позиции, а нерелигиозные чаще занимают космополитическую позицию. Эти данные коррелируют с общими показателями патриотизма и космополитизма в зависимости от отношения к религии.

Религиозная молодежь более активно участвует в публичных мероприятиях Дня Победы, в том числе в акции «Бессмертный полк». Нерелигиозную часть студентов проявляет более заметную чувствительность к риску ее формализации, усиления официоза и обязаловки.

В целом можно заключить, что День Победы и ценность «победа» – это базовые основания российского варианта гражданской религии, объединяющей все поколения граждан нашей страны, как религиозную, так и нерелигиозную части населения. Наиболее обстоятельно эту форму светской религии, ориентированную на посюсторонний мир, на интеграцию социума на основе высших ценностей и смыслов, описал на примере американского общества Р. Белла. По Белле, гражданская религия – это один из способов решения проблемы социальной консолидации, придания высшей легитимности институтам власти (Bellah, Hammond, 1980). В этой связи нужно продолжать политическую и научную работу по взвешенному, бережному сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне. Участвовать в этой работе

должны различные социальные акторы, включая российское студенчество.

Список литературы

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

День Победы – главный праздник страны: Аналитический обзор ВЦИОМ. 05.05.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-pobedy-glavnyi-prazdnik-strany> (дата обращения: 12.10.2022).

Жаворонков А. В., Левашов В. К., Образцов И. В., Ростовцева Л. И., Романовский Н. В., Трофимова И. Н., Черныш М. Ф., Демиденко С. Ю. Неостывающая память (круглый стол) // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 3-17.

К 77-й годовщине окончания Великой Отечественной войны // ФОМнибус. 07.05.2022. URL: <https://fom.ru/Proshloe/14721> (дата обращения: 12.10.2022).

Каргина И. Г. Социологические рефлексии современного религиозного плюрализма. М.: МГИМО-Университет, 2014. 278 с.

Кублицкая Е. А. Динамика процесса пост/де/секуляризации среди молодежных групп московского региона // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 103-115.

Лебедев С. Д., Сухоруков В. В. Тесный путь не туда? // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 118-126.

Лопаткин Р. А. Социология религии в России: опыт прошлого и современные проблемы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. Т. 28. № 4. С. 266-272.

Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб: Владимир Даль; Русский Остров, 2004. 623 с.

Малинкин А. Н. Историческая память о Великой Отечественной войне: эпистемологические и генеалогические аспекты // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 23-34.

Положенцева И. В., Кашенко Т. Л. Феномен исторической памяти и актуализация личной исторической памяти студентов // Власть. 2014. № 12. С. 42-46.

Синелина Ю. Ю. О критериях определения религиозности населения // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 89-96.

Спасибо прадеду за Победу... Материалы IV этапа мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне»: коллективная монография / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого: Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 352 с.

Тощенко Ж. Т. Что происходит с исторической памятью о Великой Отечественной войне? // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 18-22.

Федоров В. Память о войне или война с памятью? Поколенческие аспекты исторической памяти. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/presentations/2020/2020-06-23_Pamjat_o_voine_ili_voina_s_pamjatju.pdf (дата обращения: 21.10.2022).

Франция-память / Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок, М.; пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 328 с.

Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия / Пер. с англ. А. Соловьева. М.: Альпина Паблишер, 2019. 256 с.

Халий И. А. Патриотизм в России: опыт типологизации // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 67-74.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

Хаттон П. Х. История как искусство памяти / Пер. с англ. В.Ю. Быстрова. СПб.: Владимир Даль, 2004. 424 с.

Хобсбаум Э. Изобретение традиций / Пер. с англ. С. Панарина // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47-62.

Широкалова Г. С. Историческая память и патриотизм повседневности // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10, № 3/2. С. 161-174.

Bellah R. N., Hammond P.E. Varieties of civil religion. Cambridge: Harper & Rom, 1980. 208 p.

Poorthuis M. Rituals in Interreligious Dialogue: Bridge or Barrier? Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2020. 190 p.

References

Assman, Ja. (2004), *Kulturnaja pamjat: Pismo, pamjat o proshlom i politicheskaja identichnost v vysokih kulturah drevnosti* [Cultural Memory: Literacy, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity], Transl. by Sokolskaja, M.M., *Jazyki slavjanskoj kultury*, Moscow, Russia, 368. (In Russian)

Den' Pobedy – glavnyj prazdnik strany: Analiticheskij obzor VCIOM [Victory Day – the main holiday of the country, analytical review VCIOM], (2022), 05 May [Online], available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-pobedy-glavnyi-prazdnik-strany> (Accessed 12 October 2022). (In Russian)

Zhavoronkov, A. V., Levashov, V. K., Obratsov, I. V., Rostovtseva, L. I., Romanovskiy, N. V., Trofimova, I. N., Chernysh, M. F., Demidenko, S. Ju. (2020), “Memory would not subside (Round Table)”, *Sociological Studies*, (5), 3-17. (In Russian)

K 77-j godovshchine okonchaniya Velikoj Otechestvennoj vojny [To the 77th anniversary of the end of the Great Patriotic War] (2022), *FOM-nibus*, 07 May [Online], available at: <https://fom.ru/Proshloe/14721> (Accessed 12 October 2022). (In Russian)

Kargina, I. G. (2014), *Sotsiologicheskie refleksii sovremennogo religioznogo plyuralizma* [Sociological reflections of modern religious pluralism], MGIMO-Universitet, Moscow, Russia, 278. (In Russian)

Kublitskaja, E. A. (2022), “Dynamics of the post/de/secularization process among the youth groups of the Moscow metropolis”, *Research Result. Sociology and Management*, 8(3), 103-115. (In Russian)

Lebedev, S. D., Sukhorukov, V. V. (2013), “A narrow path to wrong place?”, *Sociological Studies*, (1), 118-126. (In Russian)

Lopatkin, R. A. (2010), “Sociology of Religion in Russia: Experience of the Past and Modern Problems”, *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, (4), 266-272. (In Russian)

Lowenthal, D. (2004), *Proshloe – chuzhaja strana* [The Past is a Foreign Country], Transl. by Govorunov, A.V., Vladimir Dal; *Russkij Ostrov*, St.-Petersburg, Russia, 623. (In Russian)

Malinkin, A. N. (2020), “Historical memory of the Great Patriotic War: epistemologic and genealogic aspects”, *Sociological Studies*, (5), 23-34. (In Russian)

Polozhentseva, I. V., Kashhenko, T. L. (2014), “The Concept of Historical Memory and Actualization of Personal Historical Memory of the Students”, *Power*, (12), 42-46. (In Russian)

Sinelina, Ju. Ju. (2001), “About criteria of determination of religiosity of the population”, *Sociological Studies*, (7), 89-96. (In Russian)

Vishnevsky, Yu. R. (gen. ed.) (2020), *Spasibo pradedu za Pobedu...* [Thanks to my great-

grandfather for the Victory...]: collective monograph, Izd-vo Ural. Un-ta, Ekaterinburg, Russia, 352.

Toshchenko, Zh. T. (2020), "What happens to the historical memory of the Great Patriotic War?", *Sociological Studies*, (5), 18-22. (In Russian)

Fedorov, V. (2020), "Memory of war or war with memory? Generational aspects of historical memory", [Online], available at: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/presentations/2020/2020-06-23_Pamjat_o_voine_ili_voina_s_pamjatju.pdf (Accessed 21 October 2022). (In Russian)

Frantsija-pamjat [France memory], Nora, P., Ozuf, M., de Pyuimezh, Zh., Vinok, M (1999), transl. by Khapaeva, D., Izd-vo S.-Peterb. Un-ta, St.-Petersburg, Russia, 328. (In Russian)

Fukuyama, F. (2019), *Identichnost: Stremlenie k priznaniju i politika neprijatija* [Identity. The demand for dignity and the politics of resentment], transl. by Solovyova, A., Alpina Publisher. Moscow, Russia, 256. (In Russian)

Halij, I. A. (2017), "Patriotism in the Russian: typology", *Sociological Studies*, (2), 67-74. (In Russian)

Halbwaks, M. (2007), *Sotsialnye ramki pamjati* [Social frameworks of memory], transl. by Zenkin, S.N., Novoe izdatelstvo. Moscow, Russia, 348. (In Russian)

Hutton, P. H. (2004), *Istorija kak iskusstvo pamjati* [History as an art of memory], transl. by Bystrov, V.Ju., Vladimir Dal, St.-Petersburg, Russia, 424. (In Russian)

Hobsbaum, E. (2000), "The Invention of Tradition", Translated by Panarin, S., *Acta Eurasica*, (1). 47-62. (In Russian)

Shirokalova, G. S. (2018), "Historical memory and patriotism of everyday life", *Historical and Social-Educational Idea*, 10(3-2), 161-174. (In Russian)

Bellah, R. N., Hammond, P.E. (1980), *Varieties of civil religion*, Harper & Rom, Cambridge, USA. 208.

Poorthuis, M. (2020), *Rituals in Interreligious Dialogue: Bridge or Barrier*, Cambridge Scholars Publishing, Cambridge, USA, 190.

Статья поступила в редакцию 15 ноября 2022 г. Поступила после доработки 05 декабря 2022 г. Принята к печати 12 декабря 2022 г. Received 15 November 2022. Revised 05 December 2022. Accepted 12 December 2022.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Белова Татьяна Павловна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом Ивановского государственного университета, Иваново, Иваново, Россия.

Tatyana P. Belova, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology, Social Work and Human Resources Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.